

И слово было Бог.
О рассказе Антона Чехова «Святою ночью».

*Памяти А. П. Чехова посвящается
Благодати божия сокровище некрадимое
следовал еси и тихое безмятежное при-
станище на небесах обрел еси.*

Акафист Преподобному Амвросию
Оптискскому.

Емец Д.

I

В 1994 году исполняется девяносто лет со дня смерти Антона Павловича Чехова. Время, совершив свою исконную спираль, приблизило к нам многие явления той жизни, что ранее казались совершенно утраченными, и прежде всего это возрождение православного сознания на Руси. Это дает возможность нового прочтения многих произведений писателя и в первую очередь тех, которые из-за своей христианской тематики были несправедливо обойдены.

Рассказ «Святою ночью» – одно из самых малоисследованных произведений Антона Павловича Чехова. В советском литературоведении его или обходили стороной, насторожившись уже из-за его названия, или же старались дать рассказу крайне одностороннюю атеистическую трактовку. На Западе же оценка всегда была с точностью до наоборот. Предсказуемо, как квадратики в шахматах: если не белый, то черный. Вообще судьба «христианских» произведений Чехова как-то не складывалась. Слишком велико искушение то сделать писателя атеистом, то облачить его чуть ли не в схиму.

К рассказу «Святою ночью» нельзя подходить с обычным набором чеховских отмычек. Единственный способ его интерпретации – целостное восприятие.

II

«Святою ночью» впервые был опубликован 13 апреля 1886 года в газете «Новое время» последним из заказанного писателю цикла небольших рассказов, в который, кроме «Святою ночью», вошли «Ведьма», «Панихида», «Агафья», «Кошмар». Через месяц Чехов в письме своему брату Александру писал: «...пятью рассказами, помещенными в «Новом времени», я поднял в Петербурге такой переполох, от которого я угорел как от чада... Теперь я модный человек в Петербурге».

Немного погодя в том же 1886 году Мережковский опубликовал небольшую статью о Чехове «Старый вопрос по поводу нового таланта». «Для молодежи полезнее писать критику, чем стихи. Мережковский пишет гладко и молодо, но на каждой странице он трусит, делает оговорки и идет на уступки – это признак, что он сам не уяснил себе вопроса... Меня величает он поэтом, мои рассказы – новеллами моих героев неудачниками, значит, дует в рутину. Пора бы бросить неудачников, лишних людей и проч. и придумать что-нибудь свое. Мережковский моего монаха, сочинителя акафистов, называет неудачником. Какой же это неудачник? Дай бог всякому так пожить: и в бога верил, и сыт был, и сочинять умел... Делить людей на удачников и неудачников – значит смотреть на человеческую природу с узкой, предвзятой точки зрения...» (Чехов — Суворину, от 3 ноября 1888 года).

Теперь сложно судить об истоках сюжета «Святою ночью», так как ни в архиве писателя, ни в воспоминаниях современников нет практически ничего, указывающего на историю создания этого произведения. Есть предположение, что Чехов берет за прототип вполне реальный островной паромный монастырь, который он посетил во время своих путешествий по Малороссии. Предположительно, это Густынский Свято-Троицкий монастырь, основанный в 1610 году афонским иеросхимонахом Иосафом на острове Густынь, находящийся в семи верстах от города Прилуки.

Обитель эта считалась древнейшей в епархии, в ней имелось пять храмов, церковно-приходская школа, братии насчитывалось сорок пять человек. В Храме Во Имя Святой Троицы была Чудотворная икона Густынской Божьей матери и Успенья Божьей Матери. Вероятно, именно там Чехов услышал историю о монахе, умершем па Пасху, накануне Святой ночи. Такие события долго не забываются в монастыре и его окрестностях и всегда входят в монастырские летописи. Хотя можно было бы и допустить, что эту историю рассказал писателю и брат Михаил, который на Пасху 1886 года посетил Оптину Пустынь (тоже, кстати, паромный монастырь).

Для данного произведения важен вопрос об идентичности автора рассказчику. Думаю, что в этом случае можно предположить если не полное сходство между ними, то, во всяком случае, частичное. В тексте нет ничего такого, что позволило бы жестко разграничить писателя и его героя.

III

«Святою ночью» – рассказ пасхальный не только потому, что время действия его – ночь величайшего христианского праздника, и не потому, что в нем есть и умиление, и чудо, и очищающая душу грусть, но прежде всего из-за происходящего в нем пробуждения героя. Пусть пробуждение это временное и природа его скорее душевная, нежели духовная, но оно преображает рассказчика, заставляет его даже спустя немало времени вспоминать происшедшее Святою ночью.

«Святою ночью» – рассказ о прозрении души, а значит, его нельзя начинать стремительно, пугая и завораживая читателя. Он разгорается постепенно, начинается как бы даже несколько вяло, пока ближе к концу вдруг не вспыхивает яркой головней. Рассказ «Святою ночью» открывается картиной звездного неба, в которой чувствуется немало доброй иронии, будто бы умному и спокойному рассказчику немного неудобно признаться, что он расчувствовался тогда теплой весенней ночью на берегу разлившейся реки: «Не помню, когда в другое время я видел столько звезд. Буквально некуда было пальцем ткнуть. Тут были крупные, как гусиное яйцо, и мелкие, с конопляное зерно. Ради праздничного парада вышли они на небо все до одной, от мала до велика, и все до одной тихо шевелили своими лучами. Небо отражалось в воде, звезды купались в темной глубине и дрожали вместе с легкой зыбью». Этот пейзаж во многом напоминает малоросскую природу в изображении молодого Гоголя: те же или схожие сравнения, тот же восторг, к которому примешивается легкое смущение от собственной чувствительности. Обычно лаконичный в описаниях природы, Чехов здесь отходит от своей обычной сдержанности и создает довольно пространную картину для такого маленького рассказа, как «Святою ночью». Это оправдано тем, что на пейзаж в данном рассказе приходится большое смысловое давление. Он, помимо сообщения некоторых сведений о непосредственном месте действия рассказа, настраивает читателя на торжественный лад, внутренне сосредоточивает и настраивает на восприятие. «Святою ночью» действует не только и не столько на ум читателя, как на его сердце.

О чем этот рассказ? Ответ на этот вопрос допускает множество решений, которые легко поддаются аргументации и хорошо дополняют друг друга. Итак, «Святою ночью» – рассказ о подлинной и ложной духовности, о процессе литературного творчества, представленном на основе акафистописания, о духовной христианской дружбе, об одиночестве среди толпы, о физической природе человеческого воодушевления и усталости, об утомлении и разочаровании, которые всегда сменяют высокий эмоциональный подъем, о тщетном поиске

земного рая, о щемящей боли утраты, о бесконечном таинстве природы, чье величие больше, чем просто фон для человеческой истории...

IV

Рассказ «Святою ночью» – о божественном происхождении вдохновения и о духовной природе творчества. Именно в этом смысле могут быть истолкованы слова послушника Иеронима об акафистописании: «Монахи, которые непонимающие, рассуждают, что для этого нужно только знать житие святого, которому пишешь, да с прочими акафистами соображаться... Конечно, без этого нельзя, чтобы не соображаться, но главное ведь не в житии, не в соответствии с прочим, а в красоте и сладости. Нужно, чтоб все было стройно, кратко и обстоятельно. Надо, чтоб в каждой строчке была ласковость, мягкость и нежность, чтоб ни одного слова не было грубого или несоответствующего. Надо так писать, чтоб молящийся сердцем радовался и плакал, а умом содрогался и в трепет приходил...»

То, что Чехов сделал монаха Николая акафистописателем, представляется далеко не случайным и во многом объясняет настороженное отношение к нему других монахов. Более того, это имеет не только собственно сюжетно-композиционное, но и церковно-историческое объяснение. Начало нового, синодального, периода в истории Русской Православной Церкви ознаменовалось появлением в 1721 году «Духовного регламента», в котором среди прочего говорилось и об акафистах как о явлении сравнительно новом для Русской Церкви и из-за этой своей новизны не всегда одобряемом (первые русские акафисты, а не переводные византийские, стали появляться только в восемнадцатом веке): «Такожде определить, что оные многочисленные моления, хотя бы и прямые были, однако, не суть всякому должные, и по воле всякого наедине, а не в соборе церковном употреблять оных должно, дабы во времени не вошли в закон и совести человеческой отягощали».

На Святейший Синод возложили обязанность цензуры написанных акафистов, причем большая часть отвергалась как не соответствующая истинно православному духу. В соответствующем параграфе духовного цензурного устава было: «Достоинство сочинений, предназначенных для общественного употребления, смотря по их содержанию, состоит в важности и истине мысли, сообразных с учением Церкви, в чистоте слога, ясности и правильности изложения. В особенности все вновь составляемые сочинения, относящиеся до церковного служения, должны заключать в себе чистые и назидательные мысли, чувствования. Кроме того, они должны быть писаны, по принятому обыкновению, славянским наречием».

Этот параграф церковного устава очень напоминает слова послушника Иеронима об акафистописании. Сходство это ощутимо даже на уровне выражений: «Нужно, чтоб все было стройно, кратко и обстоятельно» (послушник Иероним), «достоинство... в чистоте слога, ясности и правильности изложения» (Церковный Устав).

Как писал еще основоположник изучения принципов византийской гимнографии кардинал Питра, Церковь в данном случае содействовала литературной революции, которая сменила метрическую поэзию тонической, написанной более живым и выразительным слогом.

Наиболее широкое распространение акафисты получили на юге и западе России, где ощущалось противостояние православной и униатской церквей. Там во множестве распространялась духовная униатская литература, среди которой важное место отводилось акафистам католическим святым. Как бы в противовес им стали возникать акафисты русским святым и в честь особенно почитаемых на Руси икон. Именно оттуда, из Малороссии, чаще всего направлялись в Святейший Синод прошения о разрешении печатания акафистов: Пресвятой Богородице, Иисусу Сладчайшему, Успению Богоматери, Святителю Николаю Чудотворцу, Великому мученице Варваре... Всего библиография печатных акафистов в досинодальный период насчитывает 47 изданий, из которых 37 появились на Украине, 4 – в Беларуси, 4 – в Литве и только 2 – в Москве.

Таким образом, рассказ «Святою ночью» имеет строгую географическую и смысловую прикрепленность к определенному месту на карте России.

Приведенные выше слова послушника Иеронима об акафистописании помимо легко вычленимого сюжетного и композиционного значения имеют еще и второй пласт восприятия. Они, безусловно, могут быть соотнесены со всем искусством в целом.

«И мудростью, и святостью ничего не поделаешь, коли Бог таланта не дал», – говорит рассказчику послушник Иероним.

V

На пароме звездной ночью, под сполохи фейерверка и потрескивание смоляных бочек, происходит встреча мирского человека и печального монаха, встреча, сформировавшая весь рассказ. Считается, что ничего в этом мире не случайно. Не случайна и эта встреча мирского человека и торжественно-печального монаха, хранителя некоего сакрального знания.

В мифологии многих народов земной и загробный миры разделяет вода. Именно там, далеко в море, где ночует солнце, по представлениям древних скандинавов, был сказочно прекрасный остров, где обретали покой души павших в бою воинов. Греки верили: для того, чтобы попасть в царство Аида, души должны переправиться через Лету, реку забвения, и перевозит через нее суровый бессмертный старец Харон. Его углый челн — единственный путь па другой берег, в царство теней. Как и Харон, послушник Иероним — перевозчик. В его руках ключ от сакрального мира, мира, куда можно только на мгновение заглянуть, но в котором нельзя остаться. Как на несколько весенних недель узенькая речушка Голтва, которую жарким летом можно перейти вброд, разливается в громадное озеро, через которое едва-едва можно увидеть противоположный берег, так и народное религиозное чувство, не очень сильное в обычное время, в Святую ночь переживает необычайный подъем.

Иероним — вестник, но его весть больше его самого, она слишком тяжела вообще для земной сущности человека. Как вестник, он не принадлежит ни к одному из миров. Между берегами, там, где бессильны пространство и время, наступает момент наивысшего откровения, миг прозрения божественной истины. Переправа через реку — ключевой момент рассказа, миг столкновения двух различных систем восприятия жизни. Рассказчик

лишь частично готов к Встрече. Поначалу ему кажется, что послушник «вызывает его на один из тех длинных душеспасительных разговоров, которые так любят праздные и скукающие монахи». Когда послушник Иероним с дрожью в голосе сообщает о смерти своего наставника и друга, в ответ звучит равнодушно: «Что ж, это Божья воля... всем умирать нужно». Чем ближе паром к монастырскому берегу, чем слышнее выстрелы из маленькой пушечки и крики веселящихся людей, тем сильнее нетерпение рассказчика, который вновь прерывает Иеронима: «Жаль, что он умер. Однако, батюшка, давайте плыть — не то опоздаем». В этот момент в герое борются два противоположных чувства: сострадания к Иерониму и желание поскорее окунуться в бездумную атмосферу праздника. И едва бревенчатый край парома касается берега, рассказчик быстро покидает Иеронима, поспешно сунув ему пяточок на проезд. В одно и то же время он и бежит от Иеронимова горя, и спешит па праздник. «Дистанция огромного размера» лежит между главным героем и послушником. Это обусловлено самой природой их мировосприятия. Да, есть у них и общие черты: оба они умны, не злы, способны к сопереживанию, но «человек душевный» и «человек духовный» — это не одно и то же. Порой рассказчик попросту не слышит Иеронима или, вернее, слушая, не слышит. Это вызвано тем возбуждением, которое охватило его в предвкушении праздника. Он ни о чем, кроме этого, думать в тот момент не может. Но проходит некоторое время, острота ощущения проходит, и тогда каждое слово Иеронима, казалось бы, неслышанное, с необыкновенной ясностью предстает перед мысленным взором героя. Он даже хочет «посмотреть мертвого Николая, безвестного сочинителя акафистов». Когда это ему не удается, он даже рад. «Бог знает, быть может, увидев его, утратил бы образ, который рисует теперь воображение». Этого «симпатичного поэтического человека, выходившего по ночам переключаться с Иеронимом и пересыпавшего свои акафисты цветами, звездами и лучами солнца, не понятого и одинокого» рассказчик представляет себе «робким, бледным, с мягкими, кроткими и грустными чертами лица. В его глазах, рядом с умом, должна светиться ласка и та едва

сдерживаемая детская восторженность, которая слышалась в голосе Иеронима, когда тот приводил цитаты из акафистов».

В монастыре, по словам Иеронима, «народ все хороший, добрый, благочестивый, но ни в ком нет мягкости и деликатности, все равно как люди простого звания». Монахи не понимают, что заставляет иеромонаха Николая писать акафисты, как не поймут они Иеронима, не сменят его на пароме. И звуки пасхальной службы, которые теперь «проскальзывали мимо слуха стоящих около людей, он жадно пил бы своей чуткой душой, упился бы до восторгов, до захватывания духа, и не было бы во всем храме человека счастливее его».

Безусловно, послушник Иероним и иеромонах Николай выделены автором из обезличенной, руководимой сходными стремлениями толпы. Только они двое действительно реальны, хотя одного, иеромонаха Николая, уже нет в живых. Все остальное рассказчик воспринимает как смутный хаотический сон. Однако говорить о противопоставленности этих иноков толпе не следует — это вошло бы в противоречие и с данным рассказом, и с творчеством Чехова в целом. Герои писателя сосуществуют в его произведениях так же, как и в реальной жизни, не вытесняя и не исключая друг друга.

Вся атмосфера Святой ночи представляет собой целостную, яркую, легко запоминающуюся картину. «Прямо из потемок и ночной тишины мы постепенно вплывали в заколдованное царство, полное удушливого дыма, трещащего света и гама. Около смоляных бочек, уж ясно было видно, двигались люди. Мелькание огня придавало их красным лицам и фигурам странное, почти фантастическое выражение. Изредка среди голов и лиц мелькали лошадиные морды, неподвижные, словно вылитые из красной меди». Сквозь прозрачные контуры христианского праздника проступает языческая, дикая стихия человеческого веселья: «Все это скрипело, фыркало, смеялось, и по всему мелькали багровый свет и волнистые тени от дыма».

Чехов многократно подчеркивает волнообразную природу перемещения толпы, слившейся почти в единое целое: «Волна идет от входа и бежит по всей церкви», «не успел я занять место, как спереди нахлынула волна», «не прошло и десяти минут, как хлынула волна», «сзади хлынула волна». Волны людские словно бы продолжают волны разлившейся реки, через которые перевозит на своем пароме послушник-перевозчик Иероним.

Но рассказчик, хотя и сам является частицей волнообразно передвигающейся людской массы, тем не менее не ощущает себя в слиянии с ней. Он, как сторонний наблюдатель, видит, как на поверхности безликой мореобразной людской массы появляются на короткие мгновения отдельные лица: «высокий и плотный дьякон с длинной и красной свечой», «седой архимандрит в золотой митре», «полный улыбающийся монах, играющий четками»... В «Святою ночью» много эпизодических героев, что почти немислимо для небольшого рассказа: дама в дорогой шубке, монах, который нес за ней стул, баба и мальчик, спящие на возу, все те, кто, мелькнув всего на мгновение в пестрой суете, исчез потом навсегда. Но вся «населенность» столь непродолжительного по времени рассказа не производит впечатления хаотичности, избыточности. Она расширяет границы повествовательного пространства, создает иллюзию объемности окружающего мира всего на нескольких страницах произведения.

VI

Учитель и ученик, иеромонах Николай и послушник Иероним, связанные прочными узами духовной дружбы, напоминают другую пару, тоже Учителя и ученика, Иисуса и апостола Иоанна, которых разлучила смерть и соединило бессмертие. Мягкий и

женственный, послушник Иероним похож на любимого Христом апостола, а одиночество, нахлынувшее на него после смерти иеромонаха Николая, можно сравнить только с одиночеством, постигшим после Голгофы святого Иоанна: «У иного и матери такой нет, каким был для меня этот Николай, я теперь почти что сирота или вдовица».

Иероним боится ночной темноты и волн, плещущих о край паррома. «Стою я здесь на пароме, — рассказывает послушник, — и мне все кажется, что сейчас он с берега голос свой

подаст. Чтобы мне на пароме страшно не казалось, он всегда приходил на берег и окликал меня. Нарочито для этого с постели вставал.

Добрая душа!» Как Иисус успокаивает учеников, боявшихся разбушевавшихся вод, так и иеромонах Николай избавляет своего друга Иеронима от страхов ночи.

Сходство этих образов безусловно, и судьба иеромонаха Николая и послушника Иеронима, быть может, не так трагична, но не менее печальна.

VI

Христианство и искусство — это одна из главных тем рассказа «Святою ночью». Искусство — искус — искушение. В самой семантике этого слова проглядывает вполне конкретное отношение к мирскому «плетению словес», светской живописи, музыке, скульптуре, архитектуре. Ни иконописец, ни акафистописатель, ни составляющий воскресную проповедь священник никогда не назовут свои занятия искусством, скорее скажут об этом как о послушании. По мнению церковных иерархов, мирское искусство скорее служит для соблазна христианских душ, нежели для их спасения. Считается, что художник, в своих произведениях противоречащий учениям Церкви, совершает страшный грех. В Евангелии есть слова о том, что всякий, совративший хотя бы одного из малых господних, страшный грех совершит. Вспоминается басня Крылова о писателе, который в аду за свои «вредные» книги претерпевает большие мучения, чем разбойник-душегуб.

«Назначение и цель христианского писателя — быть служителем Слова, способствовать раскрытию в Нем заключенной единой истины в ее бесконечно-разнообразных проявлениях в земной жизни христианина и тем вести христианскую душу по пути Православия от жизни временной в жизнь вечную во Христе Иисусе Господе нашем», — писал Сергей Нилус.

Вопрос о вере и искусстве, об их сочетаемости всегда являлся одним из центральных в литературном творчестве. Так или иначе он решался и у Державина, и у Пушкина, и у Лермонтова, и у Достоевского в «Братьях Карамазовых», и в «Чистом понедельник» Бунина и, конечно, у Чехова в «Черном монахе», «Чайке», «Архиерее», «Святою ночью»...

Итак, как же решается этот вопрос в рассказе «Святою ночью»? «Надо, чтоб в каждой строчечке была мягкость, ласковость и нежность, чтоб ни одного слова не было грубого, жесткого или несоответствующего. Так надо писать, чтоб молящийся сердцем радовался и плакал, а умом содрогался и в трепет приходил». Безусловно, послушник Иероним в первую очередь имеет в виду духовное творчество, так как трудно представить себе произведение художественной литературы, следующее этим правилам. Однако хорошей прозы и хорошей поэзии не может существовать без «радости сердца» и «содрогания ума».

В пьесах Чехова его лучшие, увлеченные, герои часто мечтают о том, каким будет человек лет эдак через сто-двести, какими честными и искренними будут его помыслы, как умен и благороден он будет. В этом — огромная их вера в возможности человечества и его постоянное прогрессивное совершенствование.

Основную роль в воспитании этого человека герои Чехова отводят искусству. Что, как не искусство, может разбудить в человеке лучшие, дремлющие пока силы?

Однако опять-таки нельзя идентифицировать писателя и его героев. Писатель — первичен, а его герои при всей своей «жизнеподобности» всего лишь результат его творения, как сам человек — результат творения Господа Бога. Писатель экспериментирует над своими героями и целым человечеством на бумаге с помощью чернил, а Господь Бог выбирает для этого другие, более совершенные средства. Хотя спору нет: творить самому значительно приятней, чем быть творимым.

Литературные связи «Святою ночью» уходят корнями к Библии и к житиям святых. Но не следует забывать, что наряду с осознанной автором преемственностью существует преемственность неосознанная, обусловленная в первую очередь общностью литературной традиции. Так, например, связь рассказа с «Войной и миром» Толстого несомненна, и, безусловно, в части рассуждения о волнообразной природе перемещения толпы Чехов наследует

Толстому. Но едва ли писатель сознательно соотносился с каноническим житием преподобного Романа Сладкопевца — талантливейшего христианского песнописца первой половины VI века. По сообщению Менологии императора Василия II, преподобному Роману Сладкопевцу во сне явилась Пресвятая Богородица, и он написал около тысячи кондаков на все праздники и на дни знаменитых святых. В настоящее время сохранилось около 85.

В то же время у преподобного Романа Сладкопевца и иеромонаха Николая много общего: и божественное происхождение их дара, и озарения, и «сладость в каждой строчечке», и праведная кончина.

В центре рассказа — величайший христианский праздник Пасхи со всеми теми ощущениями и надеждами, который он рождает в каждом человеке. Тем не менее нельзя утверждать, что «Святою ночью» — произведение, созданное в рамках православной традиции. В нем есть и немало мирского, недопустимого для истинно христианской литературы: и земная усталость, и светскость описаний, и душевность (а не духовность!) самой природы переживаний героя. Только «исронимова» часть произведения в известном смысле может быть сближена с духовной литературой. Впрочем, Чехов и не ставил перед собой такой цели. Рассказы вообще не конструируются — они случаются. Многие мысли, темы и идеи проникают на их страницы как бы помимо автора, скорее подсознательно, нежели сознательно. Ни одно литературное произведение не может появиться ниоткуда. Оно обязательно опирается на предшествующую литературную традицию, в чем-то изменяя ее, а в чем-то следуя ей.

Но самые тесные, самые родственные связи прослеживаются внутри творчества одного писателя. То, что может быть недосказано в одном, находит более яркое выражение в другом... Очень многое роднит «Святою ночью» с рассказом «Тоска», опубликованным Чеховым всего парой месяцев ранее. Эпиграф «Тоски»: «Кому повею печаль мою?» — легко может быть соотнесен со словами Иеронима: «Отчего это даже и при великой радости человек не может скорбей своих забыть?» Одинок потерявший друга послушник Иероним, но не менее несчастен Иона, у которого умер единственный сын. Как и Иероним, Иона не может справиться один со своим горем, ему обязательно нужен собеседник, хоть кто-то, способный выслушать и понять. Но в ответ звучит все то же: «Что ж, на все Божья воля...»

Герой «Святою ночью» испытывает смутную грусть, потребность в вере и внутреннем спокойствии. Это же может быть отнесено и к самому А. П. Чехову, о котором в своей литературной биографии писал Борис Зайцев: «Наиболее цепное, что есть в Чехове — это его давняя тоска по божеству».